

ОЛЬГА КОСЯКОВА

ТЕБЕ

(Лоскутки памяти в одном действии)

*«Больных исцеляйте, прокаженных очищайте,
мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте;
даром получили, даром давайте».
Мф 10:5, 8.*

Умершим донорам посвящается

СЦЕНА 1

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Вы можете отдать родителям девочки что-то на память о вашем сыне, какую-то частичку его жизни, если хотите.

МАМА СЕРЕЖИ. А что печени мало?

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ *(в зал)*. Родственники доноров иногда сами просят передать реципиентам вещи умерших. *(Матери.)* Как если бы в подарок от них.

МАМА СЕРЕЖИ. А что печени мало? Жизни мало в подарок? *(Срывается на рыдание.)*

Координатор достает из тумбочки коробку. Высыпает на стол содержимое: крестики, иконки, открытки, исписанные листки бумаги... За каждым предметом едва остывший человек. Доктор по одному перебирает лоскутки памяти.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ *(в зал)*. Это любимая брошь Кати. Умерла в 32 от инсульта. *(матери)* Ее муж сам попросил передать украшение пациентке после операции. Он верит, Кате будет приятно видеть оттуда, что брошка в ходу. Ценности для ювелира брошь не представляет. Безделица. А для хозяйки значила много. *(в зал)* Драгоценности мы не берем. Я обычно говорю: «Вы там цените кто-то золото, кто-то бриллианты, но смысл не в этом. Слово, например, будет ценнее, чем все бриллианты мира». Вот послушайте:

Глаза открыла утром,

Встала.

Нам кажется, что это мало...

На самом деле это счастье,

Когда с тобою в одночасье

Проснулся мир,

И с ним ты тоже!

Жизнь пробуждением по коже.

Вот новый день календаря,

Я точно знаю он не зря!

Из царства тьмы летим в мир света

Какое счастье все же это...

Пока мы можем просыпаться,

Давайте петь, мечтать, смеяться.
Давайте мигом дорожить,
Ну и, конечно же, любить!

Мама Сережи тихо плачет.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Этими стихами Марины Шейниной Кристина часто поздравляла друзей. Но как-то раз один друг неудачно покатал девушку на мотоцикле – ЧМТ, несовместимое с жизнью. Сестра донора уверена, если бы Кристина могла, поздравила бы такими словами и человека, который проснулся после того, как она уснула навсегда.

*Мама Сережи берет в руку чайную ложечку с гравировкой:
«В дар от меня к тебе».*

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Да, прямо вещица-завещание. Как из другого мира. Отец покойной не знает, откуда она появилась у дочери. Принес, мол, пусть будет теперь у того, кому мы доченьку подарили.

МАМА СЕРЕЖИ. Почему они ещё у вас?

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Кто-то пока не готов принять этот дар, а кто-то не смог.

МАМА СЕРЕЖИ. Возьмите крестик Сережи. Не драгоценный. Из мельхиора. Но ценный, потому что крестильный, потому что крестик. От креста нельзя отказываться. А раз девочка понесет в себе часть моего мальчика, пусть не в ношу и крест его несет. Две жизни, считай, живёт.

*Врач закрывает донорский ларец.
Мама Сережи оборачивается на выходе.*

МАМА СЕРЕЖИ. А что ж те, кому достались наши дети, хоть спрашивают что-нибудь про них?

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Мы не разглашаем, от кого конкретно передача. Можем только сказать пациенту: «Вот от донора частичка его жизни».

МАМА СЕРЕЖИ. А вот так вот, значит. Письма до востребования без обратного адреса.

Ссутулившаяся под тяжестью горя женщина медленно удаляется прочь.

СЦЕНА 2

В хвосте ночного коридора брезжит курилка. Тусклый свет дрожит в лампочке – плохой контакт внутри патрона. Облака дыма проглатывают блики на плитке. Окурки один за другим падают в урну и мимо. У ведра из окурков вырастают холмики. Вырастает целый погост из коротких сигаретных жизней.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ (*жадно затягивается, выдыхает, бросает недокуренную сигарету, прикуривает новую, в зал*). Есть ситуации, когда разговаривать о донорстве очень тяжело и принимать решение

о донорстве очень тяжело. Тяжелее испрашивать согласие у родителей несовершеннолетних. Это по живому. Все мамы винят себя за то, что не досмотрели. Это огромная боль для них. Ничто больше не важно. И вот их нужно убедить пожертвовать орган ребенка, которого, как они считают, не досмотрели, другому ребенку. И скорее всего этот другой будет жить, а их ребенка уже никто не поднимет.

Внутри патрона отходит контакт. Лампочка моргает. Темнота хватает угасающее освещение как умирающие глаза последнюю картинку этого мира. Приближаются шаркающие шаги.

ВРАЧ-ТРАНСПЛАНТОЛОГ (*опирается о стену курилки, в зал*). Когда решается вопрос о трансплантации ребенку, мы спрашиваем у его родителей: «А хотите ли вы поговорить с родителями донора?». И если беседа координаторов о согласии на донорство могла длиться три-четыре часа. Несколько раз подойти, отойти. То после телефонного разговора мам, пап решение принимается за пять минут: «Пускай будет донором». И это всех воодушевляет, объединяет. Это гуманное начало. И мы совсем с другими силами делаем операцию. Такой реципиент-ребенок сегодня в стране один и такой донор-ребенок для него тоже только один. К сожалению, последнему уже ничем не помочь. Но когда его родители понимают, что жертвуют органы своего ребенка по возрасту почти такому же ребенку, спасают чужого, когда родного спасти невозможно, то они соглашаются. И ты по-другому начинаешь думать о наших людях. Мы гордимся такими вот людьми нашей страны.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ (*поворачивается к коллеге*). Помнишь случай. Малышке год и семь месяцев. Отравление бледной поганкой. Умирает. Ей на счастье и кому-то на беду срабатывает маленький донор. Родители разговаривают по телефону, и мама малыша дает согласие. Это был первый случай в мире, когда при таких обстоятельствах удалось спасти ребенка. Сегодня девочке девять лет. (*В зал*) Но если скажут, что много согласий, не верьте.

ВОЛОНТЕР СООБЩЕСТВА ЛЮДЕЙ, ПЕРЕЖИВШИХ ТРАНСПЛАНТАЦИЮ (*подходит с бумагами, машет ими, разгоняя дым*). Мы как-то проводили опрос среди родственников тяжелобольных людей по Брестской области. Около 72 процентов отказывают в заборе органов для трансплантации у своих близких.

ВРАЧ-ТРАНСПЛАНТОЛОГ (*в зал*). Скорее всего, отказывают в результате предрассудков. Вокруг констатации смерти мозга среди обывателей бытуют разные предубеждения. Разговоры о донорах пугают. Потому что чем еще можно мотивировать? Религиозные причины, недоверие к медицине, возможно. Хотя у нас много меньше недоверия, чем в других странах. Открытые репортажи. Открытые двери в операционную, реанимацию. Недоверия все меньше должно становиться. (*Достает из кармана газету, коллегам.*) Журналисты опять про нас написали. Точно как в «Мыслях и сердце» кардиохирурга Николая Амосова: «Газетчики расписывают: поступает умирающий ребенок, подключается машина, сердце останавливается, двадцать-тридцать минут героической борьбы, пот со лба хирурга. Все в порядке. Врач усталый и счастливый, сообщает встревоженным родителям, что жизнь ребенка спасена. Через две недели здоровый мальчик играет в футбол.

Черт бы их побрал...» Вот и тут в одной операционной спасенная девочка. А в другой разобранный мальчик.

Все молчат. Окурки. Окурки. Окурки...

СЦЕНА 3

Вадим и Алина, молодая семейная пара. Ужинают.

ВАДИМ. Пошелкай, что там по телику.

Алина переключает каналы. Останавливается на передаче о трансплантации. Через дым в студию проходит мужская фигура. Софит ударяет в лицо человека в белом халате.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Год-чуть больше – столько в среднем в нашей стране стоит пациент в листе ожидания на трансплантацию. И это хороший показатель. Время ожидания операции зависит от органа, группы крови и сопутствующего заболевания. Наши специалисты работают с живыми донорами и донорами, у которых диагностировали смерть мозга. Смерть мозга – тот рубеж, за которым обрывается жизнь одного тяжелобольного человека, донора, и вдруг появляется шанс на восстановление у другого тяжелобольного, реципиента. Трансплант-координатор как связной между донорами и реципиентами. Мы решаем вопросы обследования и кондиционирования донора, согласия родственников на изъятие органов для трансплантации, задачу транспортировки органов. Забор, например, в Бресте, печень может идти на Гродно, а почка на Витебск. Работает целая служба органного донорства. Трансплантация – только верхушка айсберг. Органы на деревьях не растут. Кто-то должен умереть, пожертвовать частичкой себя, чтобы жил другой, чтобы другому стало лучше.

Алина переключает каналы дальше.

ВАДИМ. Верни, интересно же.

АЛИНА. Доктор смерть какой-то.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Меня как координатора по-разному воспринимают, даже, казалось бы, среди своих, медиков. Я всегда говорю: «Я не привожу к смерти». Я и сам себе это говорю. Так на самом деле. Я прихожу туда, где уже есть смерть, и даю шанс человеку, который умер, чтобы его частичка еще жила в ком-то.

ЛЮДМИЛА, *живет с донорской печенью (появляется на экране в обстановке кухни)*. Донорский орган – частичка другой жизни, но его воспринимаешь как свой. Это как пирог. Вы, когда едите, восхищаетесь им больше, чем когда съели.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Донорство – продление жизни. И я уговариваю себя, что продлеваю жизнь людям. В этом есть какая-то искорка, которая помогает мне работать дальше. Ведь часто накатывает настроение все бросить. Я не знал, с чем столкнусь, когда занялся донорской

программой. Не знал, что будет так больно. Реаниматологи еще дают шанс. Они работают с человеком. Патологоанатомы – уже с биологическим материалом. А я с человеком, но которого должны на материал отдать.

Алина порывается вновь переключить канал. Вадим выхватывает пульт. Их дочь тянется к выключателю у входа в кухню, которую освещает только работающий экран телевизора. Лампочка в люстре взрывается. Вадим ищет в шкафчике новую. Алина собирает осколки перегоревшей лампочки. Дочка помогает. Передача продолжается.

СЦЕНА 4

Кардиоцентр. Этери ждет донора. Врач забавляет десятилетнюю пациентку разборной моделью сердца.

НАНА, *мама девочки (врачу)*. Мне сегодня приснилась наша старшая Хатуна. Во сне она передавала Этери сердце.

ДАВИТИ, *папа девочки (врачу)*. Тяжелое генетическое заболевание у обеих. Мы собрали с помощью родственников и кредиторов 100 тысяч долларов для Хатуны... После ее смерти прошло чуть больше сорока дней. Хатуна не дождалась пересадки сердца. Ушла в семнадцать. И вот мы приехали в Минск, чтобы успеть спасти младшую дочку.

СЦЕНА 5

«Дыхание» аппарата искусственной вентиляции легких...

Видеозвонок. Пациентка и родственники умершей видят и слышат друг друга. По обе стороны присутствуют врачи.

СЫН *пациентки из России, умершей в белорусской больнице (доктору)*. Донор сработал... Я слышал так это называется у вас, трансплантологов, когда потенциальный донор переходит в реальные. «Сработала» моя мама, значит. А реципиент, говорите, - белоруска. Ждет почку. Вот в России писали про черных трансплантологов. Докажите нам, что вы не черные!

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ *(в сторону)*. Как доказать? Глаза округляются. *(В трубку)* Что вас может переубедить? Если вы не конкретно настроены, мы могли бы поговорить об этом. *(К пациентке)* Молодой человек не верит, что вы из Беларуси, что почка нужна вам.

ПАЦИЕНТКА. Да, я из Беларуси. И мне очень нужна почка. Я вообще не могу у вас об этом просить. Понимаю, как вам тяжело. Я пришла сказать спасибо за то, что вы готовы подарить мне почку вашей матери. Я не знаю, каких сил вам это стоит. Если бы могла свою кому-то отдать, отдала бы.

СЫН УМЕРШЕЙ. Сколько вы им заплатили?

ПАЦИЕНТКА. Нисколько. У нас за пересадку никто ничего не платит.

СЫН УМЕРШЕЙ. А за почку какая такса?

ПАЦИЕНТКА. Простите, я не понимаю вопрос.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Я же вам говорил, орган – не предмет купли-продажи. Это акт добровольной жертвы.

ПАЦИЕНТКА *(плачет)*. Простите. Очень тяжело говорить *(уходит)*.

СЫН УМЕРШЕЙ (*после паузы*). Честно, для нас это неожиданность. Знаете, сейчас всякое показывают и пишут. Сколько ей осталось?

КОординАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Все зависит от донора. Организм очень истощен, несколько лет на искусственной почке. Месяц, два, больше. Не хочу делать прогнозы. Вы ей можете помочь прямо сейчас. Понимаю, что такое решение принять нелегко. Давайте вы подумаете?

СЫН УМЕРШЕЙ. Давайте я подпишу. Она на мою мать похожа.

СЦЕНА 6

Идет ток-шоу. В студии.

КОординАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ (*в зал*). В нашей стране, как и во многих странах мира, России, Австрии, Бельгии, Чехии, Польше, действует презумпция согласия на изъятие органов. Если на момент смерти человека, у врачей не будет информации о прижизненном отказе умершего от использования органов для трансплантации или заявления родственников, его органы по умолчанию могут быть изъяты. А значит, разговаривать с близкими необязательно. Но алгоритмы, которые кто-то писал в кабинете, на практике не всегда работают. Наши люди жалуются, когда узнают про молчаливое изъятие органов у их умерших близких. В этом деле нет грубых стандартов. Надо находить консенсус. Мы перестраховываемся, чтобы нам не приклеили ярлык черных трансплантологов.

Разговор с родственниками – это эмоционально очень. В Польше, например, координаторами выступают не только медработники, но и люди со стороны, священнослужители, монахини. И хорошо, когда этим занимается специально обученный человек. В моем деле люди долго не выдерживают. Однажды после беседы родных донора с пациенткой последней вводили седативные. Еще пересадки не было, а у нее уже чувство вины. Мол, кто-то умер из-за меня. До трансплантации остается 6-8 часов, и больную надо успокоить, хотя бы, чтобы давление не прыгало. Теперь донорская почка работает красивенько. Но после операции пациентка ходила к психологу. Это очень тяжело. Как засядет в душу.

ВЕДУЩИЙ. Что же стало тогда переломным моментом в решении родственников?

КОординАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Они были уверены, что кто-то спрячет органы, вывезет. А тут разговаривают с живым тяжелобольным человеком, которому их умершая мама еще может помочь в последний раз на земле. И никто за это не берет никаких денег. Бывало, родственники доноров не давали согласия, а потом жалели. Приходили и говорили: «Вы оказались правы, ведь мы могли кого-то спасти». Но было уже поздно.

ВЕДУЩИЙ. Зрители присылают нам в студию онлайн-комментарии. Игорь пишет: «После моей смерти режьте меня на запчасти и продавайте кому хотите. Главное за каждый орган заплатите моим детям и жене по мировым расценкам». А вам когда-нибудь говорили, мол, заплатите мне за почку?

Долгая пауза. Координатор очень серьезно.

КОординАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Э-э-э... Были раньше моменты, когда родственники звонили, просили помощи в решении каких-то своих

вопросов. Шантажировали меня просто. «Хочу обслуживание в такой-то поликлинике». «А мне бы вот к такому-то врачу записаться». «Почему вы нам не помогаете, мы же вам помогли». Но цинизма, что давайте 500 долларов, забирайте почку, не было. В такой ситуации это надо уже совсем быть. Э-э-э...

ВРАЧ-ТРАНСПЛАНТОЛОГ (*скручивает в руках газету*). Периодически бывают провокации. Звонят, например, и говорят: «Хочу почку продать. Давай договариваться». (*Смеется.*) Естественно мы на такое не поведемся.

ВРАЧ-РЕАНИМАТОЛОГ. Мне заявляли: «А сколько денег нам за это дадут? Вы же будете продавать его почки». Почки они пожертвовали, но я дал понять, что денег никто не даст.

СЦЕНА 7

Кухня. По ТВ продолжается передача про трансплантологию. Врач-реаниматолог доказывает в телевизоре:

ВРАЧ-РЕАНИМАТОЛОГ. У нас нет рынка продажи органов, слава Богу. Орган - безвозмездный дар. Единственное, что продается, медицинские услуги для иностранцев. Пациенты из-за рубежа платят за операцию, белорусы - нет.

Вадим поднимается на табуретку, чтобы вкрутить новую лампочку. Подкосившиеся ножки стула не выдерживают нагрузки. Табуретка под тяжестью молодого человека ломается. Вадим падает и ударяется головой.

СЦЕНА 8

Врач вызывает Нану.

ВРАЧ. Для Этери есть донор. Молодой человек 30 лет. ЧМТ. Обширная гематома. После операции наступило кратковременное улучшение, а потом состояние стало стремительно ухудшаться. Мозг пациента умер.

Вадима готовят к мультиорганному забору. Этери – к пересадке сердца.

СЦЕНА 9

Идет ток-шоу. В студии.

ВЕДУЩИЙ. А родственники умирающего не приходили сами с инициативой: «При необходимости заберите органы моего близкого?»

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ (*отрицательно качает головой*). Люди родным жертвовать не хотят, когда речь идет о живых донорах. Если это не собственный ребенок, которому нужна экстренная трансплантация фрагмента печени. Чтобы спасти его здесь и сейчас, родители готовы на все. А вообще в нашей стране сократилось число родственных пересадок.

ВЕДУЩИЙ. У нас звонок в студию. Да, слушаем вас.

ТЕЛЕЗРИТЕЛЬ ЕВГЕНИЯ. Вы, наверное, не представляете, как больно нашей семье читать публикации про то, что наши врачи пересадили сердце моего родного племянника грузинской девочке. А тем более видеть в газете картинки забора его органов. Вадима отключили от аппарата через сутки после

того, как он попал в больницу, а накануне сказали родной матери и жене попрощаться с ним. Его не спасали, потому что уже в больнице ждали донорское сердце родители девочки. Медики сами решили, кому жить, а кому умирать. Кому деньги пошли за сердце моего племянника, может в казну???

Гудки. Ведущий вопросительно смотрит на координатора.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ (*после паузы*).

Это духовный уровень: близкий человек умер, а его частичка после пересадки будет еще в ком-то жить. То есть он будто не умер совсем. И это дорогого очень стоит. Это нельзя купить. Но у родственников, которые не сталкивались с донорством, совсем другое чувство возникает. Они боятся неизвестности: «А что за человек, у которого органы моего близкого?» Бывает наоборот: вообще не интересуются своими родными, а потом, когда узнают, что органы изъяли, подают в суд.

ВРАЧ-ТРАНСПЛАНТОЛОГ. Может быть, в горе человек не понимает. Иногда есть какое-то собственничество. А почему мы кому-то должны? А что нам за это будет? Поэтому и не разглашаются данные о реципиенте и доноре. А вдруг кто-то попросит компенсации.

СВЯЩЕННИК (*Перед ним на столе стоит распятие, горит свеча*). Посмертное донорство органов и тканей может стать проявлением любви, простирающейся по ту сторону смерти. Такого рода дарение или завещание не должно считаться обязанностью человека. Поэтому добровольное прижизненное согласие донора является условием правомерности и нравственной приемлемости эксплантации. Так определено в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви». Донорские органы и ткани усвоятся воспринимающему их человеку, включаясь в сферу его личностного душевно-телесного единства.

МУЖЧИНА ИЗ ЗАЛА. Еще неизвестно, кто получит органы первым – больной ребенок или денежный мешок с корочкой! Должны давать полную информацию донорам, о том кто получит орган!

ЖЕНЩИНА ИЗ ЗАЛА. Ага! Белорусы будут жертвовать, а государство продавать органы за границу, так получается?

ВРАЧ-ТРАНСПЛАНТОЛОГ. Очередность на пересадку определяет компьютерная программа. Там множество параметров. Прежде всего, оперируем наших граждан. Новый закон о трансплантации помимо расширения списка прижизненных доноров закрепляет возможности международного сотрудничества по обмену донорскими органами. Обратите внимание. Почти четыре десятка донорских почек у нас не использовали в прошлом году. Не нашлось подходящих реципиентов. Бывает и обратная ситуация: порой специалисты долго не находят подходящего донора, и больные годами ждут. С редкой группой крови, например.

В зале поднимается шум. Сбивая друг друга, летят реплики.

«Видать хочет бизнес расширить. Если бы трансплантация была невыгодна, то наше государство в эту сферу бы деньги не вбухивало, а лучше бы поликлиники и больницы на периферии подняло».

«Органы – это все, что есть ценного у белоруса и то хотят безвозмездно выпотрошить».

«Хочешь жить лучше – продай свою почку за рубеж и помоги материально себе, и государству. Надо прокачивать тему!»

Со стола падает распятие.

«Я готова хоть прямо сейчас подписать согласие! Просто я знаю, что такое сидеть и ждать донора...»

«Ждать чьей-то смерти...»

Гаснет свеча. Священник ставит распятие на прежнее место и зажигает погасшую свечу. Свеча снова гаснет.

... Моей маме позвонил врач с трансплантологии и сказал, чтоб собиралась и приезжала в больницу, так как есть для нее донор. А подобрать его очень тяжело, группа крови редкая! Но спустя несколько часов после приезда в больницу доктор сказал, что пересадка отменяется... Родственники отказались от изъятия!

Священник громко читает молитву. Молитва заглушает зал. Слышатся звуки начала рекламного блока.

СЦЕНА 10

Девочка 5 лет вбегает в дом и прячется за шкаф. Мама смотрит телевизор – на экране реклама.

АНГЕЛИНА. Нашел! Ты опять меня нашел! Ты не мог. Только я знаю этот угол. Ну ладно, теперь твоя очередь прятаться.

МАМА АНГЕЛИНЫ. С кем ты играешь?

АНГЕЛИНА. С Сережей. Он часто приходит. Мы с ним подружились.

МАМА АНГЕЛИНЫ. Какой Сережа? Здесь никого нет. Не придумывай.

АНГЕЛИНА. Ну вот же он, под столом прячется.

МАМА АНГЕЛИНЫ. Девочка моя, может тебе голова болит, может у тебя температура?

АНГЕЛИНА. Он убежал, ты его напугала.

СЦЕНА 11

По коридору телеканала быстрым шагом идет Координатор, доставая на ходу сигареты. Не доходя до курилки, подносит спичку, чтобы прикурить. В этот момент его лицо окатывают сильные брызги. Священник с кропилом обходит студию.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. *(Утирает лицо руками).* *(Священнику).* Мозг координирует работу всех органов. Когда наступает смерть мозга, каждый орган работает сам по себе. Нет больше взаимосвязи между сердцем и легкими, между легкими и печенью, между печенью и почками. Но и этот запас жизни все равно ограничен, потому что нужно искусственно создавать и температуру тела, и давление.

СВЯЩЕННИК. Продление жизни искусственными средствами, когда действуют лишь отдельные органы, не может рассматриваться как обязательная и во всех случаях желательная задача медицины. Оттягивание смертного часа порой только продлевает мучения больного, лишая человека права на достойную, непослушную и мирную кончину, которую православные христиане испрашивают у Господа за богослужением.

Священник удаляется. Ведущий размахивает только что освященным святой водой сценарием, пытаясь его просушить.

ВЕДУЩИЙ (*Репетирует. Начитывает текст с листа*). В 2005 году в Германии было создано движение КАО, объединившее родителей, давших согласие на изъятие органов у детей в коме. Они призывают человечество отказаться от медицины, которая использует смерть одного пациента для лечения другого. Надо признать смертность человека. Матери против трансплантации утверждают, что 97 процентов организма живо при посмертном донорстве. Человек чувствует боль, продолжают функционировать органы. Именно поэтому, когда они получали тела своих детей после забора органов, то видели на их лицах мимику страдания.

Слышно, как за стенкой, тенькая, в руке священника подпрыгивает кадило. Координатор останавливает Ведущего.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Доноров стопроцентно вскрывают после забора. И я обязан иногда присутствовать при этом. Там в голове не то, что крови, головного мозга нет вообще. (*Пауза. Растирает в пальцах так и не зажженную намокистую сигарету*). Полушария превращаются в желе, которое потеряло форму, растаяло и вытекает на вскрытии. Можно говорить о высоком, но надо просто один раз посмотреть. Тело усыхает, поэтому мимика меняется.

Кадило звенит громко, часто-часто.

ВЕДУЩИЙ. А ведь пишут же про чудесные случаи за рубежом, когда человека собирались отключить от аппарата, а он встал.

ВРАЧ-ТРАНСПЛАНТОЛОГ, (*передавая сигареты Координатору*). Чудеса случаются. Жаль, что не со мной (*иронично*). Я таких не знаю. Из необратимой комы не возвращаются. Значит, это была не необратимая кома. А пишут, чтобы внести раздражение в общество или дилетанты, которые в этом ничего не понимают. Пишут для тех, кто верит во всякую ерунду.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. А сколько организаций во всем мире благодарны, что есть донорство. В Испании, например, действует национальная программа донорства. Выделяются деньги, чтобы информировать людей, воспитывать жертвенности. У нас даже родственное донорство на самом низком уровне среди всех стран.

Многие родственники доноров, с которыми я общался, пока их не коснулось, не знали, что в нашей стране так активно развивается трансплантология. Не задумывались. Хотя последнее время есть уже какие-то подвижки, информированность. Человек, если захочет, напишет при жизни отказ от донорства. Меня вдохновляют люди, которые дают согласие, и

огорчают те, кто отказывают в заборе органов для трансплантации. Я воспринимаю это как личную боль, как личную обиду. *(выбрасывает почти полную пачку сигарет в урну)*.

СЦЕНА 12

Мама Анжелины в кабинете психолога.

ПСИХОЛОГ. Как давно ваша девочка видит Серёжу?

МАМА АНГЕЛИНЫ *(растерянно)*. Я не знаю.

ПСИХОЛОГ. Я к тому, что, может, она испытала какой-то стресс накануне.

МАМА АНГЕЛИНЫ. Да нет, мы ее оберегаем от любых переживаний. Дочке ещё не было двух лет, когда ей сделали сложную операцию.

ПСИХОЛОГ. На головном мозге?

МАМА АНГЕЛИНЫ. Да нет, на печени.

ПСИХОЛОГ *(себе)*. Наркоз? Психоз? *(Маме)* Мне надо подумать.

СЦЕНА 13

Гости передачи возвращаются в студию.

ВЕДУЩИЙ *(гостям)*. Продолжаем запись. *(В зал)* Зрители присылают нам сообщения: Анна из Гомеля пишет: «Не знаю, как кому, но мне намного приятнее осознавать, что я могу гипотетически сделать хоть что-то полезное для общества, хоть бы и после смерти кого-то спасти. Себялюбивая просьба не фукать, люблю себя не меньше. При жизни даже крови на донорство не сдам, исключение – родственники». А вот мнение из Слуцка: «Люди могли бы помочь своими органами другим, но вместо этого они идут на какой-то глупый отказ». Валера, ему 33 года: «Мне пересадили почку год назад. Сейчас живу вполне обычной жизнью. Собрать денег на операцию не смог бы. Спасибо, что у нас есть центр трансплантологии, спасибо врачам, которые грамотно делают свою работу, спасибо донорам. Вы можете многим продлить жизнь».

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Никто не верил, что это будет работать. Надо было организовать логистику, сформировать нормативную базу в каждой больнице, донести, что интенсивная терапия донора – это лечение будущего реципиента. Теперь проводим встречи пациентов, переживших трансплантацию, с реаниматологами, хирургами, другими специалистами, чтобы они видели, кому идут донорские органы, и как это важно.

ВЕДУЩИЙ. У нас звонок в студию. Говорите.

ТЕЛЕЗРИТЕЛЬ. Ириша меня зовут. Есть маленький нюанс для тех, кто паникует за свои органы. Не будут каждого покойника для донорства использовать. Нужны живые органы, еще не остывшего тела. На все про все лишь несколько часов и соответствующее помещение с первоклассными специалистами и оборудованием для сохранения и трансплантации. А это очень редко получается. Грубо говоря, пользуются оказией, если представляется такая возможность, и тело еще может успеть послужить на благо. Так что зря паникуете товарищи. Ваше дерьмо просто выкинут после вскрытия. Ну или сожрут мясо собаки.

Нервно смеется и кладет трубку.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. У пациента может быть констатирована смерть мозга, но он донором не становится. Просто погибает. Если бы донорами органов были все после смерти мозга, у нас бы не было листа ожидания. Напрасно все боятся донорства. Вероятность попасть в число нуждающихся в трансплантации гораздо выше. Далек не каждый заслуживает после смерти стать донором. С онкологией, туберкулезом, ВИЧ, гепатитами, сифилисом, разными инфекциями и тяжелыми заболеваниями в доноры не берут.

ВРАЧ-ТРАНСПЛАНТОЛОГ. А вот человек, злоупотреблявший алкоголем, может послужить донором. Если он не был на учете у нарколога, то о его зависимости и не узнаешь. Только на далеко зашедших стадиях у алкоголиков страдают почки и печень. Раз, например, донорское сердце хорошо сокращается, то можно пересаживать. Изменял он жене – не изменял, быстро ездил на машине - не быстро, не имеет значения.

ЖЕНЩИНА ИЗ ЗАЛА. Трансплантированный орган создает между донором и реципиентом кармическую связь. Поэтому уж лучше согласиться покинуть этот мир, чем принять орган неизвестно от кого.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Есть люди, которые чувствуют, что в них частичка другого. Это очень тонкие материи. Медицина такое объяснить не может.

СЦЕНА 14

Помещение для групповой психотерапии. Вокруг стола сидят участники дебрифинга – специальной встречи для переживших тяжелое психотравмирующее событие. Стол тоже герой. Он заполняет пустоту, чтобы пришедшие не ощутили себя сорвавшимися в пропасть тревоги.

КРИЗИСНЫЙ ПСИХОЛОГ. Эта площадка дает возможность выразить и понять мысли и чувства, которые возникли у вас в связи с трансплантацией. Некоторые эмоции сейчас кажутся странными и непреодолимыми. Все, что здесь обсуждается, мы считаем нормальным. Специалисты помогут нам разобраться в том, что происходит.

ОЛЬГА (представляется). Ольга. О доноре ничего не знаю. С его почкой живу несколько лет. После пересадки во мне стало больше напористости, жесткости какой-то мужской. Наверное, моим донором был мужчина. До трансплантации вообще была неспортивной, а тут стала бегать. Может, пришло понимание, что больше надо заботиться о здоровье. Или его почка выталкивает меня каждое утро на пробежку.

НАДЕЖДА. Надежда. Супруга Анатолия. Как услышала «пересадка», не по себе стало. Думала, как же это твой орган взять и выбросить... Толя, мой муж, остался ждать донора в больнице. Врачи сказали, пока поддержат его лекарствами. Но одно дело, когда ты можешь ждать неограниченно, и другое — если каждый день на счету.

АНАТОЛИЙ. Анатолий. Мой донор водитель грузовика. Его сердце бьется во мне больше десяти лет. Бьется исправно. Первого донора уступил женщине. Я второй пациент в Беларуси, кому пересадили донорское сердце.

ЛЮДМИЛА. Людмила. У меня донор печени женщина. Умерла на корпоративе. Три года назад. *(Толе.)* Вот я на тебя смотрю, слушаю. Вроде передо мной зрелый мужчина, а как двадцатилетний. Задор, азарт...

АНАТОЛИЙ. До пересадки в груди так сильно стучало, что тело дергалось. Стоишь, а там бьет: бух, бух. Тут проснулся после операции — не слышу стука. Говорю: я в раю или еще здесь? Медсестра мне: «Не горюй, здесь. Сердце в тебе 28-летнего. Молодым стал». А мне тогда 55 было.

НАДЕЖДА. Он позвонил мне счастливый такой: «Есть неси». А голос молодой-молодой.

АНАТОЛИЙ. Цвет волос изменился. Кто-нибудь встретит с бывшей работы: ну ты, старик, краситься начал. Не верят, что свои. Может, от погибшего тоже передалось. Стал более спокойным. До операции еле ходил. А теперь троллейбус догоняю, и одышки не чувствую.

НАДЕЖДА. Как молодой *(Надежда треплет мужа за волосы)*. Он никогда не ругался. А тут слышу, в разговоре с мужиками на даче так и посыпались у него нецензурные слова. Потом ушло. Все, что не твое, уходит.

АНАТОЛИЙ *(смеется)*. Окружающим виднее, сам и не замечал. *(Серьезно.)* Я заметил то, что происходит со мной часто. Впереди, например, машина. А у меня мысль: сейчас он рванет на полную и пойдет со второго ряда налево в нарушение всех правил. Притормаживаю. И тут же происходит то, о чем мне подумалось. Я теперь предвижу поведение водителей. Если бы записывал все такие ситуации на дороге, книжка предсказаний уже получилась бы.

ФИЗИОЛОГ, *помогает вести дебрифинг*. Часть клеток донорского органа при пересадке погибает, а другая несет память о реакциях на окружающую среду. Если реципиент, никогда не бывавший в Крыму, поедет туда, то ему будет казаться, будто он там уже был. Но там был его донор, клетки которого сохранили ощущения от Крыма.

АНАТОЛИЙ. Едва ли не каждую ночь сразу после пересадки меня мучил один и тот же сон: «Передо мной лобовое стекло КамАЗа. Дорога. Еду. Вдруг машина съезжает в лес — и тупик. Позже врачи мне открыли, что мой донор был дальнобойщиком. Разбился в рейсе. А мои видения - это клеточная память.

ФИЗИОЛОГ. Жизнь в органах не записывается. Даже если голову пересадить, и то она не воспроизведет последнюю картинку, на которой залип донор. Могут передаться эпизоды сенсорной памяти, но мизерно. Сенсорная информация – это тактильная, температурная, запахи... То самое внезапное ощущение Крыма, о котором я говорила.

СЦЕНА 15

Ангелина с мамой во дворе дома.

Мама читает. Ангелина играет с куклой. Начинает смеяться. Откладывает куклу. Берёт у мамы телефон, включает музыку, танцует связный танец, как если бы занималась танцами давно. Подпрыгивает и делает вращение в воздухе. Мама подбегает, чтобы поймать дочку. Девочка приземляется на ноги и заливается смехом.

АНГЕЛИНА. Мама, не волнуйся, меня Сережа держит. Он очень любит танцевать, и хочет, чтобы я тоже красиво танцевала.

СЦЕНА 16

Помещение для групповой психотерапии. Дебрифинг продолжается.

ЗОЯ. Зоя. Прошло 9 лет. Поначалу очень хотелось пива, мороженого. Врачи объясняли: просто не хватает микроэлементов. А сразу после пересадки был момент, когда я положила руку на колено и почувствовала у себя мужскую мышцу.

ФИЗИОЛОГ. Сенсорная память...

ЛЮДМИЛА. Недавно была на встрече с выпускниками. Наши мне сказали: «Блин, ты так изменилась. Ты раньше, и ты теперь как два разных человека». Да я сама это чувствую. Раньше как все была. А теперь как метеор. Мне сейчас надо охватить все. Может и донор был такой многогранный.

ФИЗИОЛОГ. Книжки, голливудские фильмы, мнение религии – отсюда все эти мысли про «ожившие» способности донора.

ИГОРЬ. Игорь. Сорок два года. Недавно пережил повторную пересадку сердца. Во сне благодарил молодого парня крупнее меня по телосложению, орган которого по воле судьбы достался мне. Потом узнал, что именно таким был мой донор.

ФИЗИОЛОГ. Вероятно, в наркозе вы слышали разговор врачей о вашем доноре. Подсознание записало информацию и выдало в сновидении.

АНАТОЛИЙ. Но вы же сами говорили, что все не так просто с картинками в голове.

НИКОЛАЙ. Николай. Я пятисотый. Пятисотый пациент, кому у нас сделали пересадку печени. После операции я чувствовал рядом присутствие молодого мужчины, его добродушие, даже дыхание. Он подвигал меня немножко, одеяло поправлял, подушку взбивал, кровать мою обходил. Боязни не было. Только легкость. То, что я ощущал, не передать словами. Но оно реально, реально происходило. На остальных в палате смотрю – они же должны это все видеть. Не видят, и я не вижу, но чувствую, будто обо мне заботятся. Как движение воздуха. Внутри тепло. Сны красочные. Это чудо. С одной стороны, человек умер. С другой, продолжает помогать здесь.

ФИЗИОЛОГ. Наркоз не иначе.

ВРАЧ-РЕАНИМАТОЛОГ (*помощник ведущего на встрече*). У нас, допустим, семьдесят наркозов в день, семьдесят! И нет ни одного случая, чтобы кто-то говорил про такое. (*Загадочно задумчиво.*) Это вопросы к мистике.

АЛЕКСАНДР. Александр. А моим донором, похоже, стала женщина. Я цветы сажаю. Пением занялся. Это прям такая страсть! Раньше ничего подобного не делал.

ФИЗИОЛОГ. Правильно говорить о том, что после пересадки вы живете чужую жизнь. По болезни уже должны были умереть. У нас записана определенная программа развития. Клеточные циклы. Ваш организм не был готов жить долго. Он работал на самоуничтожение. А тут новый орган – и отсрочка. Поэтому человек реально становится другим.

ИОСИФ. Иосиф. Пересадили сердце в этом году. Донор мужчина. Старше на семь лет. Болтливость у меня появилась. А ещё нервность. По каждому поводу возмущаюсь. Вкусы изменились. Мучного, сладкого могло не быть. А сейчас сам скашеварю торт. Молоко с удовольствием пью. Много сижу в планшете, зависаю в интернете. Это вредная привычка, но перестроиться, чтобы больше двигаться, очень сложно.

СЕРГЕЙ. Сергей. Полгода после операции. Парень молодой из Бреста, говорят, разбился. До операции я политикой увлекался. Передачи смотрел. А операция прошла, и меня от них как отрезало. Вообще телевизор перестал смотреть. Теперь интересны музыка, фильмы хорошие, что-то лёгкое и более-менее живое. Новости раз-два в день гляну по интернету - хватает. Что скажите, физиолог?

СЦЕНА 17

Ангелина и Мама в кабинете психолога

ПСИХОЛОГ. Ангелина, как ты видишь Серёжу?

АНГЕЛИНА. Как вас.

ПСИХОЛОГ. А сейчас, сейчас ты его видишь?

АНГЕЛИНА. Нет, сейчас я вижу вас.

ПСИХОЛОГ. Когда приходит Сережа?

АНГЕЛИНА. Когда я одна и скучаю. Он меня веселит. А ещё Сережа учит меня танцевать.

ПСИХОЛОГ. Ты его придумала, он как из сказки, да?

АНГЕЛИНА. Нет. Как из жизни.

ПСИХОЛОГ. Зачем он приходит?

АНГЕЛИНА. Играть со мной, танцевать. Ещё он что-то ищет.

ПСИХОЛОГ. Что?

АНГЕЛИНА. Не знаю (*пожимает плечами*).

ПСИХОЛОГ. Хорошо. Пойди поиграй в той комнате. Там есть игрушки, карандаши.

Ангелина выходит.

ПСИХОЛОГ. Похоже на галлюцинации. Но странно, что благодаря этим галлюцинациям девочка научилась прекрасно танцевать.

МАМА АНГЕЛИНЫ. Не научилась. Она просто вдруг станцевала самый сложный номер.

ПСИХОЛОГ. Тогда это талант. У вас есть в роду танцоры?

МАМА АНГЕЛИНЫ. Нет.

ПСИХОЛОГ. Я думаю, что галлюцинация и сверходаренность тут связаны. В ней очень развито творческое начало. Девочка пока не чувствует границу между фантазией и реальностью. Думаю, с возрастом это пройдет. Не стоит волноваться. Просто пока подыгрывайте ей.

СЦЕНА 18

В студии. Идет запись передачи.

ВРАЧ-ТРАНСПЛАНТОЛОГ (*в зал*). Некоторые пациенты говорят, что ощущают рядом или в себе присутствие другого человека.

ЖЕНЩИНА ИЗ ЗАЛА. Присутствие другого человека, говоришь. Это мой сын должен был жить, а не ее. (*К священнику*.) Что ваш Бог скажет? Ее дочка умирала, а мой шел живой и здоровый, а тут машина. А потом врач мне: «Спасите девочку, у нее тяжелое заболевание, вашему сыну уже ничем не

помочь, а он еще может помочь спасти умирающего ребенка». И сует мне трубку, а там она что-то мямлит про свою беду. А я не хочу ее слушать. У меня свое горе, понимаете, свое.

СВЯЩЕННИК (*крестясь*). Пути Господни неисповедимы. Нельзя так. Это вызов Богу. Богородица не гневалась на Отца Небесного за то, что он забрал у нее сына для спасения мира. Мы несовершенны, чтобы постичь Божью любовь. Никто не умер. Они живут. Просто по обе стороны.

ЖЕНЩИНА ИЗ ЗАЛА. Я бросила телефон врачам, сказала, мол, забирайте, все забирайте: почки, печень, сердце. Вы же не будете моего сына спасать, а ее дочку будете. Спасайте живее! Так где же Бог, батюшка? Почему у меня забрал, а ей отдал. А? Она украла у меня сына. (*Женщина в истерике. Ее уводят под руки.*)

СЦЕНА 19

Помещение для групповой психотерапии. Продолжается дебрифинг.

ОЛЬГА. У меня долго было чувство вины. Я думала о том, что кто-то умер, чтобы я жила.

ЗОЯ. Чтобы тебе выжить, кто-то должен умереть. Кто-то отдал за твою жизнь свою. И вот эту мысль мне тоже было очень тяжело принять. В церкви ставила свечу за того мужчину, чье сердце стучит во мне.

ЛЮДМИЛА. А я приняла новую печень, разговаривала с ней: «Подружка моя ты хорошая». Мой донор - молодая женщина, моложе меня на десять лет. Тогда мне было 43, ей выходит 33. Она умерла на корпоративе от разрыва аневризмы.

ОЛЬГА. Я только сейчас, спустя три года после операции, начала отращивать длинные волосы и поверила в то, что буду жить. В то, что отторжение может и не случиться.

ВОЛОНТЕР СООБЩЕСТВА ЛЮДЕЙ, ПЕРЕЖИВШИХ ТРАНСПЛАНТАЦИЮ, *помощник ведущего площадки*. Мне было непонятно, как ты получила шанс на жизнь три года назад, а жить начала только сейчас. До операции ведь четыре года была на грани.

ЛЮДМИЛА. А я почувствовала, что начала жить, когда пришла на первую встречу в сообщество и увидела, что не одна такая. Из стен больницы выходишь, информации мало. В интернете один негатив. Читаешь только про отторжения. Всем говорят, что переломный год жизни - первый после операции. Тут либо, либо. И вот я прихожу в сообщество и вижу живых людей спустя три-четыре года после пересадки. Они уже живут столько блин! А я что хуже других. Если настроить себя, то будет классно.

Сейчас я помогаю другим подготовиться к операции и пройти через страхи послеоперационного периода.

Раньше не обращала внимания на мелочи. На то, что встала утром. Теперь радуюсь и солнцу, и дождю. На вечеринках зажигаю. Ловлю каждое мгновение. Люблю подарки делать втихушу.

СЦЕНА 20

К Ангелине в комнату заходит мама. В комнате беспорядок. Открыты тумбочки, из шкафа вытрясена одежда. Ангелина копается в вещах, что-то ищет и не находит. Зарывается лицом в ворох тряпья. Плачет.

МАМА АНГЕЛИНЫ (*крича*). Ангелина, что происходит?

АНГЕЛИНА. Мама, Сережа просит меня что-то найти, а я не понимаю что. Он говорит, что это важно. Это меня защитит через несколько дней.

СЦЕНА 21

Запись передачи. В студии.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Сначала эти люди здоровые, потом заболевают, но думают, что еще здоровые. Затем уже понимают, что больные. Далее наступает терминальная стадия, и они знают, что болеют и умрут. И вот у них появляется шанс на жизнь – трансплантация. Они верят в этот шанс, находясь в листе ожидания, но все равно продолжают думать, что умрут. Но вдруг раздается звонок: «Приезжайте, есть донор, вы подходите». И это шок.

ЛЮДМИЛА (*то появляется на экране позади координатора, то исчезает*). Вроде ты и ждешь этого звонка каждый день. И вот он прозвучал, а у тебя сразу срабатывает ступор. Сомнения разрывают голову: «А надо ли, а стоит ли?» Сумка наготове стоит, но вот этот звонок... Он всегда неожиданный.

Мне сказал доктор, вот посмотришь, все у тебя поменяется. Я поменялась от и до. Раньше мне было, как есть, так и хорошо. Сейчас хочу все узнать.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Предстоит поменять образ жизни полностью. Это препараты по времени, бережное отношение к себе, диета, то нельзя, се. Другое сознание. Пациентам после пересадки почки на диализ не надо больше идти. «Ну как это не надо? Я уже привык тысячу лет ходил, а тут не надо». Потом вроде бы жизнь налаживается. Они чувствуют себя здоровыми, и ноги отрываются от земли. Случаются грехи, но грехи безвредно не проходят. Одного пронесет, другого нет.

АНДРЕЙ (*молодой человек появляется на экране за спиной координатора*). После первой пересадки почки чувствовал себя как нормальный человек шесть лет – работал, играл в теннис. Слово проскочил через болезнь. Казалось, так будет всегда. Может поэтому относился к себе легкомысленно. Диеты сильно не придерживался, в рекомендации врачей не вникал. Как-то заболел, принимал антибиотики, но становилось все хуже. Оказалось, организм отторгает почку. Когда мне ее удалили, думал сейчас опять подвернется счастливый случай, мне пришьют новую и я побегу, как в первый раз. Но на диализе проходили годы, а органа все не было. Думал, а вдруг меня вычеркнули из листа ожидания? Пять лет прошло, пока мне пересадили почку во второй раз. Сейчас берегусь.

ЛЮДМИЛА. С трансплантацией связано много социальных проблем. Болезнь влияет на наши семьи. Переизбыток эмоций – побочный эффект от лекарств. Близким сложно.

АНАТОЛИЙ (*то появляется на экране позади координатора, то исчезает*). Первое время пил до 90 таблеток в сутки. Коробку разделил на 24 сектора, разложил пилюли, чтобы не запутаться. Будильник заводил, только бы не забыть принять. Это сильнейшая моральная нагрузка. А еще того-этого

нельзя. Иногда психика до того напрягалась, что петлю хотелось накинуть. Поэтому некоторые бросают пить лекарства и умирают. А ведь доктор свою работу сделал, дальше от больного многое зависит. Тем более, что государство так помогает. Одна пачка таблеток стоит более трехсот рублей, а на месяц их надо восемь. И все это выдают за счет бюджета.

ЛЮДМИЛА. Ты вроде умирал, а тут живешь, и надо время, чтобы это переосмыслить. Но вдруг... Отторжение через неделю – это была первая сложность, которая обрушилась на меня в новой жизни.

МИХАИЛ (*на экране*). Мне шестьдесят. Все было хорошо три года после трансплантации печени, а потом резко пожелтел, почернел – пошло отторжение. (*пытается подавить слезы. Дышит часто*). Понимаете, мне сказали: «Простите, мы уже продлили вам жизнь. Больше помочь нельзя. Пообещали, что дадут сильные обезболивающие. Попрощались и ушли. Это ужас был. Не помню, как долго находился дома в плохом состоянии, и вдруг вызывают в больницу: «Появилась печень, можем пересадить ее только вам».

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. По какой-то из причин организм не воспринимает донорский орган как свой. Криз отторжения – это вероятность того, что вернешься туда же, в терминальную стадию. Он может случиться на протяжении всей жизни. Все время человек под страхом. Лекарства какие-то закончились – уже накручивает себя. От каких-то таблеток зависит жизнь.

АНАТОЛИЙ (*появляется на экране позади координатора*). Один пациент мне рассказал, что поставил в церкви свечу за донора, и отторжение у него прекратилось. Я не знаю, как зовут моего спасителя. Назвал его Иваном. Был атеистом раньше, а теперь каждый раз поминаю в молитвах Ивана.

СЦЕНА 22

Ангелина с мамой у психолога.

ПСИХОЛОГ. Давайте на время примем реальность Ангелины.

МАМА АНГЕЛИНЫ. Вы предлагаете согласиться с ее бредом?

ПСИХОЛОГ. На время. И поискать этого Серёжу в вашей семейной истории или его прототип.

МАМА АНГЕЛИНЫ. Вы хотите меня тоже свести с ума?

ПСИХОЛОГ. Я хочу поработать с вами в направлении системных расстановок. Психотерапевт Б. Хелингер написал книгу «Порядки любви». Если эти порядки нарушаются, члены семьи страдают. Происходят несчастные случаи, повторяются роковые события, возникают эпизоды психического нездоровья.

МАМА АНГЕЛИНЫ. Мы с мужем всегда считали, что у нас благополучная семья. Мы любим нашего ангелочка.

ПСИХОЛОГ. Возможно, это проблема не вашей семьи, порядки нарушил кто-то из ваших близких или близких мужа. Я поработаю с Ангелиной с помощью фигурок. Этот сеанс напоминает мистическую игру. Рациональная терапия здесь не подходит.

Психолог задаёт девочке вопросы и просит располагать фигурки в определенном порядке.

ПСИХОЛОГ. У вас один ребенок в семье?

МАМА АНГЕЛИНЫ. Да.

ПСИХОЛОГ. Возможно был аборт?

МАМА АНГЕЛИНЫ. Нет.

ПСИХОЛОГ. Может, у вашего мужа до вас были дети.

МАМА АНГЕЛИНЫ. Нет!

ПСИХОЛОГ (*осторожно*). Тогда вероятно сейчас у него есть ребенок на стороне.

МАМА АНГЕЛИНЫ. Вы психолог или гадалка. У нас нормальная семья. (*Сбивает рукой фигурки, разворачивает дочь к выходу*)

ПСИХОЛОГ (*возвращая фигурки на место*). Уйти проще всего. Только Серёжка так вот не уйдет. Я вижу, за девочкой стоит старший мальчик. В теории Хеллингера это непризнанная душа. Она стучится таким способом в вашу семью, чтобы ей отдали дань памяти. Если был аборт, покайтесь и молитесь. Если есть отвергнутый на стороне ребенок, его надо признать. Сможете это сделать, девочку оставят видения.

СЦЕНА 23

Студия. Передача продолжается.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. До сих пор в обществе есть предубеждение, что после пересадки люди остаются инвалидами. У них есть ограничения, но в целом они, как и другие, могут приносить пользу государству. Некоторые могли бы представлять честь страны на специальных международных соревнованиях, но для этого необходима финансовая помощь. Людям после трансплантации тоже важно внимание.

ЛЮДМИЛА (*на экране*). Проблема нам устроиться на работу. Прошла много собеседований, но везде отказы. Это очень сильно подрывает. Возникают вопросы: «А почему на неполный рабочий день? По какой причине инвалидность?» Говорят, а мало ли что-то случится. Но ведь и здоровый человек не застрахован. Знакомая подсуетила меня няней.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Трудоустройство очень большая проблема для наших пациентов. Бизнес круги, частные предприятия, государственные структуры могли бы помочь. Когда некоторые меняют группу по инвалидности, появляется больше возможностей, а их зарплата все равно не компенсирует льготы. Им не выгодно работать. Стимул пропадает. Да и группа нужна, потому что они бесплатно получают лекарства.

Есть люди, которые готовы переобучаться, платить налоги, но в центрах занятости нет подходящих вакансий. Им предлагают устроиться строителями, например. Но наши пациенты не могут быть строителями.

ФИЗИОЛОГ. Получил шанс что-то сделать в этой жизни, значит, делай. Помогай таким же людям. В благотворительный фонд пусть идут. Проблем нет, они придумывают все. Только жалуются.

ВРАЧ-ТРАНСПЛАНТОЛОГ. Стереотипы особенно живучи в среде медиков. Страшный консерватизм. Плетут такую чушь. Это началось с нашей первой операции, когда преподаватель в одном из медицинских университетов рассказал, что все эти пациенты умрут в течение одного года. Такое невежество. Кого этому врачу можно доверить? Более 4, 5 тыс. трансплантаций выполнено за последние годы. Более 190 повторных пересадок. Мы сделали много

уникальных операций. Спасали тех, от которых отказывались ведущие центры мира. Сегодня живы 85 процентов людей после трансплантации. 70 процентов живут более 10 лет. А главное, как! Как обычные!

АНАТОЛИЙ *(появляется на экране)*. Врачи посоветовали жить на даче. Дышу сосновым воздухом. У меня парники, огород и богатый урожай. Развожу кур и кроликов. В доме камин — сам заготавливаю дрова, кошу, делаю всю деревенскую работу. Хожу не менее восьми часов в день. Живу, считай, для своего удовольствия, как в пионерлагере.

МАКСИМ *(с экрана)*. Я многое сделал впервые. Поднялся на самую высокую точку Украины. На велосипеде катаюсь, путешествую, побывал в Грузии, Турции, Польше. На машине объехал всю Румынию. На Бали был, серфил. Мечтаю отправиться в кругосветку и снять фильм о том, как живут реципиенты в разных странах.

ЮРИЙ *(на экране)*. Я 31-ый с пересадкой сердца. Мне 59. Живу, как хочу, вот уже 9 лет. Не пропускаю банкеты. Курю. Кавалер, налево захаживаю. Сколько суждено, столько проживу. Не заморачиваюсь. Если беречь себя все время, смысл тогда жить? Некоторые вон три года ждут, чтобы рюмку выпить. Все дрожат над своими сердцами.

ХРИСТИНА *(на экране)*. Когда через семь лет после операции пришла к гинекологу и сказала, что беременна, она обрадовалась. А когда сказала, что у меня одна почка и та донорская, врач испугалась. Медики не знали, что со мной делать.

ВРАЧ-ГИНЕКОЛОГ, *работает в Минске*. И сегодня некоторые мои беременные пациентки, приезжая из районов, жалуются, что отношение к ним агрессивное. Их запугивают, что они умрут, что родят урода, что все у них будет плохо. Они потом звонят и плачут: «У нас правда все будет плохо?» Утешаю положительными примерами.

ХРИСТИНА *(на экране)*. Мне говорили, что почка у меня для того, чтобы жить, а не для того, чтобы рожать. Всем было страшно, но нашелся один доктор, который сказал: «Хочет она быть мамой, пусть будет». И вот я мама, воспитываю здоровую девочку. После пересадки почки прошло 19 лет.

ВРАЧ-ГИНЕКОЛОГ. Более 40 женщин, которые угасали, спустя время после пересадки почки и печени стали мамами. А некоторые уже дважды. Спасение жизни их первая мечта. А потом у пациенток появляются такие же мечты, как у любого другого человека: завести семью, родить детей. Когда это получается, у них столько счастья, оптимизма. Просто чудеса руками людей.

СЦЕНА 24

Мама с Ангелиной идут по улице. Вдруг девочку будто кто-то отталкивает в сторону. На это место падает большая ледяная сосулька. Мама в ужасе подбегает к дочке. С девочкой все хорошо. Мама видит, что у ребенка на шее два крестика. Женщина вспоминает слова врача и психолога:

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ *(голос звучит издали)*. Крестик передала мама мальчика-донора. Просила, чтобы носили и помнили о ребенке. И берегли свою дочку, чтобы гибель ее Сережки была ненапрасной.

ПСИХОЛОГ *(голос звучит издали, но ближе, чем голос Координатора)*. Подумайте, какого ребенка в вашем роду не признали?

Девочка дергает маму за рукав, выводя из раздумья.

АНГЕЛИНА. Мама, мама! Это Сережа меня спас! Я нашла у тебя его крестик. Теперь он будет всегда меня защищать.

МАМА АНГЕЛИНЫ. Давай я расскажу тебе о Сереже, и мы вместе за него помолимся.

СЦЕНА 25

Каждый из участников дебрифинга нашел опору в столе. Кто-то держится за край обеими руками, кто-то стучит по крышке. Одни рисуют пальцем по поверхности. Другие – уперлись лбом в стол, спрятавшись от разговора.

МАКСИМ. Наверное, всегда буду чувствовать себя должным человеку, который продлил мою судьбу. Подсмотрел в бумагах, что это мужчина 34 лет. Мне тогда два года назад было 33. Так что мы почти ровесники.

Я стал более терпимым к людям. Больше ценю тех, кто у меня есть. Важно не терять время. Если что-то задумал, делай. Ведь все может измениться внезапно без каких-то предпосылок. Помнить о смерти полезно. Так ты действительно идешь к тому, чего хочешь по-настоящему.

СЕРГЕЙ. Раз тебе дали шанс на жизнь, значит, не просто так. Хотя много чего в жизни реализовано, но хочется еще. Если новое сердце будет чувствовать себя комфортно, то есть шанс чем-то полезным позаниматься в жизни лет десять. Скоро внука надо женить, внучка подрастает маленькая.

ИРИНА. Ирина. У меня четвертая группа крови. Мне трижды донор посылался. Важно творить добро, а не просто жить в свое удовольствие. Это время сделало меня лучше, сильнее, отзывчивее.

МАРИНА. Марина. Родила двоих детишек. Я со своей почкой разговариваю. У меня и в мыслях никогда не было, что мне придется с ней распрощаться. Каждый раз в день второго рождения накрываю стол и молюсь за донора. Мы иногда созваниваемся с братом по почке и с благодарностью вспоминаем человека, который нас спас.

ВАЛЕНТИНА. Я мама Олеси (*обнимает девушку, сидящую рядом*). Врачи в районной больнице хотели отключить дочку, когда она была в коме. Со мной случилась истерика, я не дала. Дозвонилась до начальства района. И Олесю оставили в реанимации. Она пришла в себя. Я с того света ее достала. (*задыхается.*) Перевезли в Минск. И тут буквально сразу нашелся донор. Ей на день рождения. Она плакала: «Как я буду». А я сказала: «Будешь жить». А у меня, как скажу, так и бывает. Теперь у ней муж, ребенок. Сама родила богатыря. Даже кесарево не делали.

ОЛЕСЯ. Олеся. Про донора знаю только то, что он подарил мне жизнь. Хочу с этой печенью до конца прожить. Вырастить сына.

ХРИСТИНА. После пересадки мне снились цветущие сады. Погиб какой-то парень. Одна его почка досталась мне. Я верю, что она не покинет меня никогда. Это очень тонкая грань. Есть как плюсы, так и минусы. Я-то по эту сторону. Даже не представляю, если бы была по ту, как бы тогда относилась. Ведь там тоже родные люди. Они до последнего надеются на чудо. Не знаю, если бы у меня спросили согласия, что бы я сказала. Но я по эту сторону, и я счастлива.

ЗОЯ. Когда со мной такое произошло, я поняла, что не жалела бы своих органов, случись что. Друзья мои относились так себе к этой теме, а теперь однозначно помогли бы другим.

СЦЕНА 26

В студии ТВ-канала оживление. Гости спорят.

ВОПРОС ИЗ ЗАЛА. А вы сами, врачи, интересно, себя, своих детей, родителей на органы отдадите?

ВРАЧ-ТРАНСПЛАНТОЛОГ. Это даже не обсуждается. И если кто-то из моего близкого окружения думает иначе, я просто не пойму. Мои родные поддерживают меня в том, что такая жертва — великое благо.

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Не дай Бог никому слышать эти слова, но, если так случается, знаете, как сказано: «Не отдавайте органы человека на небо, они нужны здесь, на земле, и Бог вас поддержит».

СВЯЩЕННИК. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих», - есть строчка в Писании. Такой была жертва Христа (*поднимает крест со стола*). Сегодня люди и после смерти еще имеют возможность положить душу свою за друзей своих. Последняя жертва донора — благословение. Не каждому дано так послужить.

ВРАЧ-КАРДИОХИРУРГ, проводит операции по забору сердца (*оборачивается на зал*). Мы стараемся не смотреть ни на лицо, ни на возраст донора. Чем он моложе, тем нам тяжелее. Начинаешь переносить на себя, детей своих. В такой ситуации может оказаться каждый. Все под Богом ходим. Просто думаешь, что здесь уже жизни нет. А там, в другой операционной, где ждет реципиент, есть возможность ее подарить. Как минимум одному человеку. И если тут забирается, то там дается.

ВРАЧ-ТРАНСПЛАНТОЛОГ. Донор умер, но продолжает жить. Это другое осознание смерти. Другая окраска. Родители, давшие согласие, чувствуют именно это. Жизнь их ребенка продолжается в ком-то еще. А значит, это было не напрасно принятое решение. Они совершили большое доброе дело. Спасли даже не одного человека. Известнейший кардиохирург, который сделал первую трансплантацию сердца в мире в ЮАР, Кристиан Бернард сказал: «Самая важная ценность жизни — сама жизнь». И то, что чье-то согласие продлило чью-то жизнь — это очень важно. И для родных донора, и для семьи, где живет человек с новым органом. Получается другое осознание смерти. Другая окраска...

КООРДИНАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Хотим сделать памятник донору. В разных странах есть, а почему у нас не может быть. Спонсоров пока нет.

СЦЕНА 27

Студия. Приглушенный свет. Запись закончилась. Все разошлись. В помещении только ведущий и координатор. Ведущий, запрыгнув на стол, закуривает и, молча, принимается собирать бумаги. Координатор отмахивается от дыма и, смущаясь, достает коробочку.

КОординАТОР ПО ЗАБОРУ ОРГАНОВ. Что касается встречи родственников донора и реципиента – это большая и долгая работа. Надо подготовить родственников донора. Вспомнить все. Не каждый готов вспомнить. Тем более не каждый готов встретиться. Да и не было инициативы такой ни со стороны родственников донора, ни со стороны реципиента. В Америке этим занимаются, но не сразу все происходит. У нас люди думают о чем-то высоком, когда все плохо или когда все хорошо. А когда нормально, о высоком думать не принято: у меня семья, работа, дача, огород.

Я тут коробочку принес (*высыпает содержимое*). Вот, пожалуйста, стихи, пожелания, заветы, предметы, которые родственники доноров передают реципиентам на память...

На столе иконки, исписанные листки, брошка, книжка, медальон, крестики. Координатор один из них берет в руку.

... Я всегда спрашиваю у родственников, каким донор был при жизни. Хочу, чтобы они вспомнили не проблему, а рассказали мне о человеке. Проблема – это один факт. Человек – огромно. Это целая жизнь его, моменты, тяготы, лишения и радости, счастье и огорчения и все остальное. А проблема вот, узенько совсем. Да или нет. Решается мгновенно.

(Усмехается.) Все обычно вспоминают детство. Практически все задумываются о характере, привычках, увлечениях близкого. Кто-то в ралли участвовал, кто-то на Эверест поднимался. Однажды пришло к нам больше десяти родственников умершей. Разговаривали мы часов восемь. Каждый рассказал какую-то историю, связанную с ней. А еще был случай, когда вспоминали, как донор при жизни спас немало жизней других людей. Случилось ЧП на канатной дороге. И он держал канат с одной стороны, пока не приехала помощь. Только благодаря такому вот поступку люди не упали и не разбились.

Реципиенты воспринимают эту информацию, в основном молча. Одни плачут, другие благодарят. Есть те, кому я вижу, пока лучше ничего не рассказывать и не передавать – не готовы либо не хотят ничего знать. Мол, поболело, перестало, и мне нету дела. Потому что, если я буду видеть это, мне голова будет болеть. А зачем? Мне не нужна головная боль.

Ведущий так же, молча, докуривает, складывает предметы со стола назад в коробочку, отдает ее Координатору, выходит быстрым шагом из студии. Свет гаснет. Только очертания Координатора. Он стоит неподвижно, прижимая к груди крестик.

СЦЕНА 28

Незнакомец передает спящей больной сердце. Женщина просыпается. Вокруг пусто и тихо...

Другой незнакомец подходит к другому пациенту. Взбивает подушку, приподнимает ему голову, поправляет одеяло. Мужчина открывает глаза. Никого нет...

Девочка танцует с мальчиком. Мальчик удаляется. Его фигура тает вдалеке...

Люди ходят по улицам, ездят на велосипеде, самокате, катаются на роликах, стоят в очередях, сидят в кафе или театре, смотрят друг на друга, наступают на ноги, сталкиваются плечами, подают друг другу упавшие на остановке монетки, пропускают спешащих, сигналият на светофорах «уснувшим». Не знают. Не догадываются. Не могут знать. Невозможно предугадать. Невозможно знать наперед.

А в этот миг кто-то уже из мира невидимого в мир видимый отдает частичку себя. Свою последнюю жертву. И там ему не нужно чье-то согласие.

Донор и реципиент никогда не узнают друг друга. Но они продолжают жить.

КОНЕЦ

Минск, 2019г.

Ольга Косякова
drug-olya@yandex.by
+375 29 779 12 27